

УДК 008.2

DOI: 10.17223/1998863X/60/25

С.В. Шибаршина

НАУКА КАК АБСОЛЮТНОЕ БЛАГО В ФУТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ТРАНСГУМАНИЗМА

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Предпринимается попытка рассмотрения ряда аспектов идеи науки как блага на примере техноутопии «Пари трансгуманистов» Золтана Иштвана. Дается оценка бэконовскому проекту как возможному источнику будущего трансгуманизма. Выявляются основные мировоззренческие принципы, на основе которых строится футурологический проект З. Иштвана. Отталкиваясь от ряда идей, развиваемых Ильей Теодоровичем Касавиным, автор выдвигает мысль о том, что иштвановская техноутопия является логическим и, возможно, маршрутозависимым исходом западноевропейского проекта науки и технологий.

Ключевые слова: социальная философия науки, наука как благо, техноутопия, трансгуманизм.

Выражение «наука как общественное благо» вызывает различные ассоциации, вплоть до убеждения в том, что мораль, построенная на основе научного познания, должна заменить все предшествующие и альтернативные моральные стратегии типа религии и философии. В своем исследовании Илья Теодорович справедливо указывает на проблему неодинакового понимания науки как общественного блага в российской и англоязычной традиции. Хотелось бы добавить к этому, что трактовка прикладной науки как обладающей потребительскими качествами товаре в настоящее время активно завоевывает мир. Одновременно с этим так называемое научное мировоззрение, в основе которого лежит убеждение в том, что наука – это когнитивное благо, оттесняет другие традиции понимания природы человека как якобы обладающего душой, сознанием и сверхсознанием и радикально отличающегося от растительного и животного миров. Теория эволюции породила эволюционную психологию, социологию и проч., предлагая и даже навязывая идею об отсутствии так называемого высшего смысла в существовании Вселенной и человека, порождая ощущение того, что «человек заброшен в этот безжалостный мир, в котором нужно жить, будто ты бессмертный». Удивительно, что восточные миры (индийцы, китайцы и др.), достижения которых в области науки были так убедительно раскрыты в XX в., в том числе Дж. Нидэмом, смогли параллельно сохранить веру в «дао» и «Брахмана», не вытеснив ее убеждением в том, что человек «эволюционировал» от обезьяны.

Решение так называемого вопроса Нидэма породило различные ответы, но рамки нашей статьи не позволяют нам углубляться в эту проблематику. Ограничимся только указанием на то, что западноевропейский проект науки, у истоков которого стоял в том числе Фрэнсис Бэкон, внес существенный вклад в ситуацию того, что образ западной науки, понимаемой как когнитив-

ное и одновременно потребительское благо, если и не станет доминантным в глобализующемся мире, то как минимум преобразует традиционные мировоззренческие практики, что мы видим на примере сотрудничества между буддистами и нейробиологами. На наш взгляд, это не будет равноценным синтезом, союзом равных миропониманий: западная наука использует буддизм как инструмент дальнейшего проникновения в мозг, отвергая при этом нефизикалистские теории сознания. На самом деле, как нам представляется, логичным и, возможно, «маршрутозависимым» исходом западноевропейского проекта является техноутопия трансгуманистического толка.

От Бенсалема к Трансгумани

Уже не первое десятилетие ведется активная пропаганда пост- и трансгуманизма как мировоззрения, некоторые направления которого в основу всего ставят науку как благо в различных измерениях. Одним из наиболее показательных, на наш взгляд, является проект футуриста Золтана Иштвана, одного из наиболее влиятельных трансгуманистов США¹.

Как известно, стало традицией фиксировать истоки понимания науки как блага в деятельности философов Нового времени, прежде всего Фрэнсиса Бэкона. Вырванное из контекста выражение «знание – сила!» давно стало мемом и обросло далекими от источника коннотациями. Существует целый пласт публикаций, связывающих грандиозные медитации английского философа относительно развития науки и технологий именно с современными трансгуманистическими проектами [2–4]. В подобной ассоциации утопия Ф. Бэкона «Новая Атлантида» (New Atlantis, 1626) нередко прочитывается как убежденность в том, что не существует границ господства людей над окружающим миром и собственной биологической природой. В «Новой Атлантиде» угадывается прообраз «прототрансгуманистической утопии без рабства и бедности, управляемой религиозно терпимой научной элитой и сосредоточенной на исследованиях, нацеленных на то, чтобы „все вещи стали возможными“» [3. Р. 758].

Частично с подобными заявлениями, на наш взгляд, согласиться можно. Действительно, в «Новой Атлантиде» рисуется картина научно-технологического общества, подаваемого как воплощенный рай на земле, который стал возможным во многом благодаря опоре на новый научный метод, способный через манипуляции с природой производить все больше земных благ, и «радикальной модели институализации новой науки» [5. С. 89]. Бенсалем изолирован от тех проблем, что преследуют остальное человечество, – Трансгуманиа Иштвана так же процветает, в то время как во всем остальном мире кризис. Акцент на увеличении продолжительности жизни и, соответственно, медицине является одной из важнейших целей Дома Соломона – научного ордена Бенсалема. Квинтэссенцией же трансгуманистической философии Иштвана является победа над болезнями и достижение бессмертия, иначе жизнь становится бессмысленной. Описание обеих утопий как бы намекает на то, что они практически идеальны с самого начала их основания. В отли-

---

¹ Выбор в его пользу был сделан по двум причинам: (1) в 2016 г. он основал Трансгуманистическую партию и выдвинулся от ее имени в президенты США; (2) помимо общественно-политической деятельности Иштван предлагает философское обоснование своего проекта в научно-фантастическом романе «Пари трансгуманистов» [1].

чие от предположительно незавершенной «Новой Атлантиды», Иштван в итоге распространяет новый миропорядок на всю планету. (Однако бэконовская утопия заканчивается разрешением отца Соломонова Дома огласить повествование о науке и технологиях Бенсалема «на благо другим народам» [6. С. 518]. Возможно, как некую образцовую модель?).

Ученые у власти

К обеим утопиям приложимо высказывание Ильи Теодоровича о том, что «благодаря своей способности делить людей на знающих и незнающих» наука дает «инструмент властного отделения знающих от незнающих» и «*производит справедливую систему неравенства, социальную стратификацию, без которой нет развития*». В «Новой Атлантиде», как известно, управление наукой и технологиями осуществляли, по выражению И.С. Дмитриева, «хорошо образованные „эпистемократы“, наделенные широкими правами и властными полномочиями», значительно превосходящими монархическую власть [5. С. 96]. В Трансгумании до и после ее глобального распространения абсолютная власть принадлежала специалистам в области науки и технологий, трансгуманистам и футурологам. Именно они стали считаться наиболее значимыми представителями общества, героями, авторитетами и знаменитостями, самыми популярными кинообразами. Молодые и активные ученые – руководители компаний – стали «иконами нового трансчеловеческого пейзажа» [1. Р. 227]. «Если же вы не отличались интеллектом, прогрессивным мышлением и творческими футуристическими идеями, тогда вы были попросту никем в этом новом мире» [1. Р. 227] (обновленный естественный отбор). Элитаризм достойных развивать науку и пользоваться ее плодами подкрепляется в утопии Иштвана косвенными аллюзиями из ницшеанской критики демократии и массовой культуры. Подчеркивается «не демократическая природа технологий»: последние предназначены исключительно для «самых одаренных и квалифицированных», остальные же именуются «неудачниками», «забитой» и «напуганной» «посредственностью» [1. Р. 127–128]. И все это рисуется как абсолютная справедливость без каких-либо хотя бы слабых попыток критического осмысления.

В обеих утопиях престиж науки и технологий не подвергается сомнению. При этом обе картины отмечены неполнотой в смысле существенного игнорирования гуманистических аспектов всевластия науки, сциентистского мировоззрения и социального проектирования. У Бэкона, согласно Даниэлю Шварцу, указывается на наличие требования *секретности*, не позволявшего использовать науку и технологии во зло, а также *строгого контроля над выбором «посвященных»*, гарантировавшего развитие науки исключительно во благо общества [7]. Гуманитарными проблемами научно-технического прогресса главный герой Иштвана Джетро Найтс не интересуется, а критиков идей трансгуманизма рассматривает либо как досадную помеху либо угрозу, которую следует уничтожить.

Вполне понятно, что в эпоху Нового времени наука и технологии еще не успели в достаточной степени продемонстрировать собственную амбивалентность и заострить внимание на этических и моральных проблемах своего применения, как это случилось в XX в. Не зря после Второй мировой войны антиутопии начинают постепенно вытеснять технократические утопии. Не-

смотря на это, Иштван уверенно копирует оптимизм прежних времен в отношении научно-технического прогресса, избавившись, однако, от любых форм религиозных практик. Если в Бенсалеме наука вроде как гармонично соединена с духовно-религиозной жизнью, то в Трансгумании *единственно возможной идеологией* является *трансгуманистическая*¹ – все остальное неприемлемо. Все религиозные праздники отменены. Общественная мораль во многом основана на принципе пользы: каждый должен быть полезным в достижении целей трансгуманизма, первейшая из которых – достижение бессмертия. Личность Джетро Найтса, мировоззренчески близкого Иштвану персонажа, отличается крайним индивидуализмом, а его отношение к людям проникнуто *тотальным прагматизмом*. В конце представлен трансгуманистический и технократический хэппи-энд. Весь мир превратился в «глобальную деревню», каждый житель подключен к сети, имеет чипы и встроенные био- и нейротехнологии, позволяющие в том числе постоянно получать новые знания.

Цель всех разумных людей, атеистов, разумеется, – достижение бессмертия. Здесь Иштван является показательным примером нерелигиозного направления трансгуманизма, в котором продление жизни и бессмертие выступают самоцелью. Однако, хотя, подобно Бэкону, отмечавшему неспособность человека вследствие «своих страстей и предрассудков, видеть мир таким, каков он есть» [8. С. 197], Иштван пытался отыскать новый, лучший путь, подлинно глубокой рефлексии, в отличие от того же Бэкона, в его футурологическом проекте не отмечается. К примеру, З. Иштван не задается вопросом – а зачем собственно человеку нужно бессмертие? Не будет ли оно вредным как для людей, так и для планеты, космоса? И подобные интенции очень свойственны западноевропейскому, а теперь и глобальному, проекту науки и технологий. То есть рисуемая в техноутопии картина контролируемого наукой и технологиями счастья выглядит, на самом деле, довольно-таки заманчиво (мало кто по доброй воле спокойно отнесется к неизбежности болезней и смерти). Но далеко не все ученые готовы подвергнуть философской критике мировоззренческие основания своих убеждений. Казалось бы, XX в. был достаточно богат на исследования проблемы дегуманизации человеческой экзистенции и культуры как «сопутствующего проявления научнотехнического развития» [9. С. 38]. Однако прочтение Иштвана оставляет впечатление того, словно бы подобная социально-философская рефлексия прошла мимо него. Более того, хочется задать риторическим вопросом: а останутся ли собственные ученые в этом «прекрасном» технобудущем [10]? Некогда заложенный в Новое время оптимизм в отношении науки и техники стал маршрутозависимым, и техноутопия Иштвана вполне может стать моделью будущего, философские основания которого были в определенной степени заложены сциентистским проектом Бэкона, – будущего, к которому нас может привести экспоненциальный рост науки и технологий, а также упрочение технократического подхода к социальному управлению.

---

¹ Собственную философию Иштван назвал «телеологическим эгоцентрическим функционализмом», основанным на идее о том, что разумные люди ценят жизнь и желают быть бессмертными и не могут бездействовать, но стремятся заранее сделать что-то конструктивное с научной точки зрения для обеспечения бессмертия. URL: <http://www.zoltanistvan.com/TranshumanistWager.html> (accessed: 12.10.2020).

Литература

1. *Istvan Z.* *The Transhumanist Wager.* Lexington, KY : Futurity Imagine Media, 2013. 300 p.
2. *More M.* *The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future / ed. by M. More, N. Vita-More.* Chichester, UK : John Wiley & Sons, 2013. P. 3–17.
3. *Hughes J.* *The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626–2030 // Zygon.* 2012. Vol. 47, № 4. P. 757–776. DOI: 10.1111/j.1467-9744.2012.01289.x
4. *Whitney D.N.* *Salvation through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism // VoegelinView.* June 7, 2018. URL: <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism/> (accessed: 03.11.2020).
5. *Дмитриев И.С.* Институционализация европейской науки раннего Нового времени: бэконский ракурс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 89–99.
6. *Бэкон Ф.* *Новая Атлантида // Сочинения : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина.* М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 483–518.
7. *Schwartz D.* *Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis // Nighthawks Open Institutional Repository.* University of North Georgia. March 2, 2014. URL: <https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8/> (accessed: 10.11.2020).
8. *Дмитриев И.С.* *Веселая наука Фрэнсиса Бэкона // Эпистемология и философия науки.* 2020. Т. 57, № 1. С. 181–201. DOI: 10.5840/eps20205711
9. *Касавина Н.А.* *О бремени техники и миссии ученого // Эпистемология и философия науки.* 2019. Т. 56, № 3. С. 36–39. DOI: 10.5840/eps201956344
10. *Вархотов Т.А.* *Технонаука – наука без ученых? // Эпистемология и философия науки.* 2020. Т. 57, № 1. С. 32–37. DOI: 10.5840/eps20205713

Svetlana V. Shibarshina, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation).

E-mail: svet.shib@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 259–264.

DOI: 10.17223/1998863X/60/25

SCIENCE AS AN ABSOLUTE GOOD AND THE TRANSHUMANIST DAYS OF TOMORROW

Keywords: social philosophy of science; science as good; technoutopia; transhumanism.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494.

The author of the article, proceeding from a number of ideas developed by Ilya Kasavin, attempts to consider a few aspects embedded in the idea of science as a good and, in doing so, focuses on Zoltan Istvan's technoutopia *The Transhumanist Wager* as an illustration. The author elucidates the main ideological principles underlying Istvan's and Bacon's utopian projects and embracing benefits from science; right reason; true religion (Bacon)/transhumanist ideology (Istvan); a strict choice of “initiated” epistemocrats/scientists; the desire to use science and technology only for the good (Bacon), and utility and commitment to the transhuman worldview (Istvan). The author considers the consistency of the view that regards the Baconian project as a major source of the future transhumanism and the latter – as an inevitable expansion of Bacon's ideas. Such a view has emerged within some transhumanistic approaches represented by Max More, James Hughes, and others, and, in saying so, it goes to extremes. Istvan's futurist project attempts to advance humanity mostly through technology. However, in doing so, it ignores the deep philosophical and humanistic reflection over the very foundations of its program, while some of the missing parts from Bacon's utopia can be traced in his extensive philosophical legacy. Commenting on these inconsistencies, the author, nevertheless, considers it possible to assume that Istvan's technoutopia may arise as a logical and, possibly, route-dependent outcome of the Western European project of science and technology.

References

1. Istvan, Z. (2013) *The Transhumanist Wager.* Lexington, KY: Futurity Imagine Media.
2. More, M. (2013) *The Philosophy of Transhumanism.* In: More, M. & Vita-More, N. (eds) *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future.* Chichester, UK: John Wiley & Sons. pp. 3–17.

3. Hughes, J. (2012) The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626-2030. *Zygon*. 47(4). pp. 757–776. DOI: 10.1111/j.1467-9744.2012.01289.x
4. Whitney, D.N. (2018) Salvation through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism. *VoegelinView*. 7th June. [Online] Available from: <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism>. (Accessed: 3rd November 2020).
5. Dmitriev, I.S. (2017) Institutionalization of Early Modern European Science: the Baconian Perspective]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 2. pp. 89–99.
6. Bacon, F. (2010) *The New Atlantis*. Gearhart, OR: Watchmaker Publishing.
7. Schwartz, D. (2014) *Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis*. Nighthawks Open Institutional Repository. University of North Georgia. 2nd March. [Online] Available from: <https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8>. (Accessed: 10th November 2020).
8. Dmitriev, I.S. (2020) The Gay Science of Francis Bacon. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(1). pp. 181–201. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20205711
9. Kasavina, N.A. (2019) On the Burden of Technology and the Mission of Scientist. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 56(3). pp. 36–39. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956344.
10. Varkhotov, T.A. (2020) Technoscience – Science without Scientists? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(1). pp. 32–3. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20205713